

ЗНАЧЕНИЕ ВКЛАДА МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ И ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И.С.ЕФИМОВА И Н.Я.СИМОНОВИЧ-ЕФИМОВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УДМУРТСКОГО НАРОДА

Ковычева Е.И., доктор искусствоведения

В июне-июле 1930-го года судьбе привела в Удмуртию известного московского художника-универсала¹ И.С.Ефимова (1878–1959). С экспедицией Центрального музея народоведения под руководством заведующего отделом Урала и Поволжья М.Т.Маркелова², мордвина по национальности, он пересек бывшую Вотскую область с юга на север, увлеченно фиксируя в рисунках образы удмуртских крестьян, их быт и обряды, диковинные для горожанина трудовые инструменты. Художник много рисовал не только на темы, изучаемые экспедицией, но и по собственному выбору. Рисунков было так много, что осталось достаточно для передачи в музейные собрания после кражи чемодана на пути в Троицк (Челябинская область), куда автор поехал сразу из Вотской области (название Удмуртии в те годы)³. Когда экспедиция вернулась в Ижевск, были сделаны доклады, сопровождавшиеся выставкой рисунков. И.С.Ефимов получил от облисполкома предложение выполнить памятник революционеру И.Д.Пастухову и написать шесть картин для экспозиции местного музея. Первый заказ был с энтузиазмом выполнен скульптором. Но

выполнение картин он передал супруге Н.Я.Симонович-Ефимовой (1877–1948), обладавшей опытом живописца⁴.

Впервые побывав в Ижевске в феврале следующего года в дни празднования 10-летнего юбилея Вотской автономной области, художница создала по полученным впечатлениям еще несколько живописных работ. И.С.Ефимов с удовольствием откликнулся на предложение написать статью для журнала «Удмуртское просвещение». Она была опубликована частично только в 1959 г.⁵ Художник оформил книгу «Удмурты»⁶, посвященную итогам экспедиции. По впечатлениям от поездки супруги выполнили совместный альбом «Удмурты» из 12 цветных автолитографий, с целью сделать тираж и познакомить с культурой удмуртов большое число зрителей, правда листы со сценами молений оказались под запретом⁷. В Ижевске хранится коллекция из 13 рисунков и трех автолитографий И.С.Ефимова, двух автолитографий и двух картин Н.Я.Симонович-Ефимовой.

Вклад супругов Ефимовых в искусство Удмуртии выглядит достаточно интересным. Отдельные произведения мастеров станови-

лись предметом изучения. Искусствовед Е.Ф.Шумилов описал памятник И.Д.Пастухову в контексте книги, посвященной архитектуре и монументальному искусству Ижевска⁸. Графика и живопись Ефимовых, посвященная Удмуртии и Мордовии, частично анализировалась в статье Н.А.Розенберг⁹. Автор данного исследования опубликовала статьи об истории создания монумента Пастухову¹⁰, о картинах, рисунках, гравюрах авторов на этнографические темы¹¹, трагической судьбе М.Т.Маркелова и его друзей-художников в период сталинских репрессий¹². Статья на основе анализа произведений, хранящихся в коллекции Национального музея Удмуртской Республики им. К.Герда, дополняет имеющиеся публикации фактами, наиболее интересными для музейного сообщества.

Значение произведений изобразительного искусства на этнографические темы в достоверном и, одновременно, чувственном отражении утраченных исторических реликвий и условий их бытования. Художники в отличие от фотографов и рисовальщиков, преследующих цели научной фиксации, сохраняют с помощью композиционно-выразительных средств изобразительного искусства эмоциональный фон процесса рисования, сопряженный с изучением малоизвестного материала, отношение к традициям другого народа, что расширяет ракурс научных сведений в область образного мышления, делая их более впечатляющими для посетителей музея.

Пригласив И.С. и Н.Я. Ефимовых в Центральный музей народоведения в качестве оформителей экспозиций, М.Т.Маркелов сослужил им добрую службу. Перебивавшиеся в 1920-е гг. случайными заработками, они получили постоянную работу, сумели вернуться к одной из своих любимых тем – теме патриархального крестьянства, которая стала изгоняться из искусства в период коллективизации, получили душевную разрядку от пыльной, гроыхающей, строящейся Москвы. Начиналось время преследования интеллигенции, что порождало тревогу, заглушить которую могло погружение в гармонию природного мира, самоотдача в работе. Иван Семенович написал: «Экспедиция – это счастье, Дух приобретает силу и спокойствие, и рисовать стало легко, как, пожалуй, еще никогда не было»¹³.

Обращаясь в статье для журнала «Удмуртское просвещение» к местным педагогам, автор призвал их рисовать с детьми произведения народного искусства, как имеющий потенциал воспитания вкуса и уважения к национальной культуре. Скульптору импонировало остроумие изделий удмуртов из дерева, умение привлечь в соавторы природу: вырастить в лесу нужную, с устойчивым корневищем форму для воротных столбов, которая не позволяла им перекашиваться. Его радовали вписанные в естественные формы стволов и ветвей колды, которые надежно закрывались и открывались. Восхищение автора подтверждается сравнением быто-

вых вещей с образцами мирового искусства, где изделия безымянных мастеров выигрывали.

Рисунки мастера подтверждают, насколько его поразили редкостные по устройству и древней традиции охотничьи капканы и силки, ступа для толчения льняного семени с пестом, оснащенный противовесом, «ботник» – лодка-катамаран из двух выдолбленных бревен, массивное корыто с двумя шестами-толкушками – приспособление для стирки. Изделия деревенских плотников отличаются не только изобретательностью конструкции, но и совершенством пропорций, красотой обобщенных форм. Свойствам крестьянских орудий труда адекватны изобразительные средства рисовальщика. Вещи нарисованы крупно, с размахом, на больших листах плотной бумаги. Не трудно представить, какой нелегкой задачей было носить в пеших походах тяжелую папку, увеличивающую объем и вес от селения к селению. Художник имел солидный набор цветных и черных, разных по мягкости карандашей. Рисунки демонстрируют виртуозное владение ими, а также активное

Удмурт в лодке

отношение мастера к техническим приемам. Мягкими однообразно-легкими по тону растушевками он добивается впечатления благородства натурального цвета древесины. Острыми, безукоризненно верными серебристыми линиями простого карандаша очерчивает большие формы. Активными разноцветными штрихами и контурами прорисовывает мелкие детали, а со стороны тени обводит изображение густо-черной энергичной линией толстого литографского карандаша, иногда переходящей в непроницаемое пятно. Это создает эффект яркого солнечного света и передает мажорный, заразительный оптимизм авторского отношения к удивительным образцам удмуртского крестьянского рукоделия.

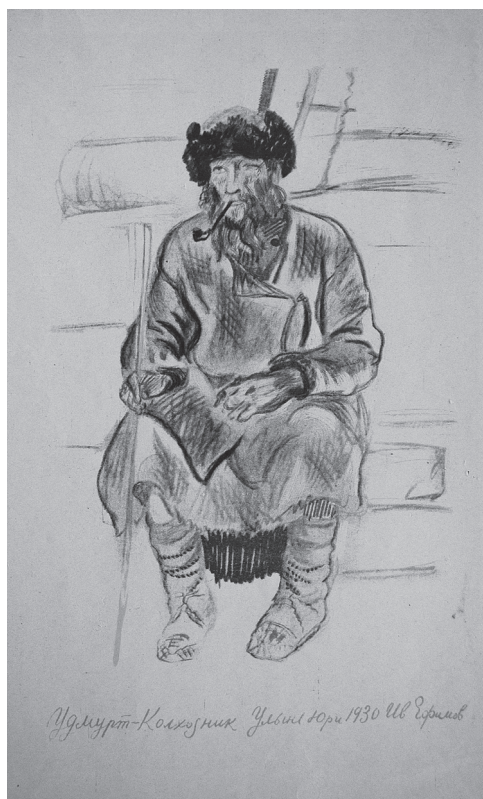
Иные вещи кажутся активными и без человеческого участия, люди рядом с ними – стаффаж, дополнение. На других рисунках, наоборот, важнее сам человек, который демонстрирует умение управлять шедеврами народного изобретательства. Пчеловод карабкается по гигантской сосне к борти, привязав к ногам медвежьей когти. Он

Крестьянка со ступой

перекинул через ветку веревку и при помощи блока, удобно сидя на дощечке, подтягивает сам себя. Одетый в домотканую рубаху и полосатые штаны крестьянин, в войлочной шляпе и аккуратных лаптях кажется похожим лицом на самого И.С.Ефимова. Разве не лестно было вообразить себя таким же ловким. Художник много рисовал по памяти, сетуя на недостаток времени для рисования с натуры. Однако он признавался, что в некоторых случаях достоверность была бы излишней. Быстрота воссоздания изображений по памяти придавала им лаконичность, которую Ефимов высоко ценил.

В той же статье отмечено совершенство пропорций деревенских построек. Автор сравнивал мастерство возведения зданий удмуртами с искусством прославленных архитекторов итальянского Возрождения. Монументальность построек, целесообразность каждого элемента импонировали художнику, стремящемуся к лаконичному стилю в искусстве. Рассмотрим доказывающую этот тезис литографию И.С.Ефимова «Удмуртка на крыльце, с. Карлыган». Рубленое из целых бревен крыльцо деревенской избы подобно торжественной дворцовой лестнице. Драгоценными миниатюрными украшениями кажутся фигурки девушек в национальных костюмах. Первая важно восседает на верхней ступеньке, другая застыла в темном дверном проеме. Предметная среда кажется важнее самих героев.

Колхозник из Улын-Юри

Ивана Семеновича привлекали и сами деревенские жители. Одним из заданий была фиксация антропологических типов населения. Ефимов сумел наделять образы удмуртских крестьян, кроме внешней национальной узнаваемости, глубиной характера. Старый рыжебородый колхозник из села Улын-Юри сидит, опираясь на палку, тихо посасывает трубочку, задумался о чем-то своем. Лицо, изборозженное морщинами, спокойно, голубые глаза ясны. Еще не нарушена гармония жизни в природе, и тревога не омрачает лица сельского философа, не ведающего о скором разрушении освященного родовыми традициями мира.

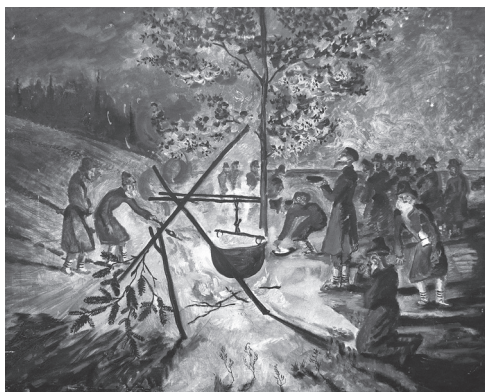

Моление в избе

Картины Н.Я.Симонович-Ефимовой писались в Москве, в их основу легли рисунки и эскизы мужа. Работа по воображению позволила Нине Яковлевне пренебречь иллюзорным правдоподобием. В картине «Семейная домашняя куала» молитвенная постройка представилась автору величественной, словно храм. Сцена моления дополняет цельный образ архитектурно-обрядового феномена. Предметы утвари, изображенные с разных точек зрения, усиливают масштабность незнакомого, но уважаемого религиозного мира. Мужчина и женщина с прильнувшим к ней ребенком застыли в молчании, обращаясь лицом к воршудному коробу на полке, внимание к нему усилено цветовым акцентом – ярко-зеленой, свежесрубленной веткой дерева. Передний план картины занят котлом на крюке, спускающемся от удаленной ввысь крыши. Голубоватая змейка дыма поднимается к пронзительно лазурному небу в проеме не сомкнутых кровельных досок, связывает мир людей с необъятным космо-

сом. Картина полна контрастов. Кроме разницы в масштабах архитектурной декорации и фигур, это активное решение темных и светлых элементов, диссонанс неба и оранжево-охристого дерева, малиновых и зеленых, черных и белых пятен одежды. Прозрачные заливки дополняются широкими густыми мазками краски, смелыми ударами кисти. Экспрессивный язык живописи почти вызывающ, если бы не фрагменты полотна, успокаивающие контрасты богатством тончайших оттенков на полу, в живописи костра, стола с мерцающими тепло-холодными отблесками, белого армяка крестьянина, играющего десятками рефлексом, его штанов, где каждая полоска написана удивительно сочно.

Художнице удалось создать эмоционально-приподнятую атмосферу поклонения природе в картине «Ночное моление». Сияет, рассыпая искры, костер. Трепещет на ветру тонкое, но с богатой кроной дерево. Красно-коричневые на свету, сине-черные в тених угловатые мужские фигурки застыли в разнообразных позах. На лицах играют

Ночное моление

отсветы пламени. И вновь спорят сине-зеленые оттенки с оранжево-розовыми, живописные фрагменты с графичными, необъятность пейзажа с миниатюрностью людей. Авторский почерк полотен Н.Я.Симонович-Ефимовой отличается глубокий идейный замысел, умение донести главную мысль, подчиняя ей художественное решение.

Экспедиция имела задание отражать деятельность колхозов, но политической окраски ее материалы не приняли. Литографию «Детский сад в колхозе Шонер» Нина Яковлевна выполнила по просьбе мужа. Она создала трогательный, но без национальной конкретности мир детства, напомнивший ей новаторские педагогические занятия родителей¹⁴. Литография, изображающая сплав леса на реке Чепце, оживляла в памяти картины домоткановского быта. Две лошади с напряжением тянут бревна. Бескрайний простор лугов, обзораемых сверху – природная оправа чудесных тружеников, среда их оправданного бытования.

Из переписки периода экспедиции ясно, что общение И.С.Ефимова с удмуртским населением было очень теплым¹⁵. Установить контакт помогал кукольный театр. Игра кукол, построенная на психологически-выразительных жестах, связанных со строго отобранными репликами пьес по мотивам русских народных сказок и басен И.А.Крылова, была понятна без слов. Иван Семенович заучил образцы удмуртского

фольклора, предоставленные ему М.Т.Маркеловым, освоил необходимый для общения арсенал слов, выражений, поговорок. Его радовали народные игры, танцы, пение. Описания обрядов, казавшихся особенно любопытными, он посылал жене в Москву. Художник со свойственным ему восторгом отнесся к нетронутой удмуртской природе, залезил на огромную «священную» березу, наслаждался вибрацией ствола под напором ветра, купался в водопаде от мельничной плотины.

В Ижевске он с пониманием встретил предложение организаторов художественно-театрального техникума, помочь в усовершенствовании процесса обучения. Мастер начал настраивать супругу на организацию выставки работ в столице Удмуртии, на гастроли их театра, на участие в краткосрочном, интенсивном курсовом обучении желающих. Действительно, в феврале 1931 г. Ефимовы вновь приехали в Ижевск с выставкой своих работ, посвященных удмуртам, эскизом памятника И.Д.Пастухову, кукольным театром, выступления которого были разрешены после просмотра Обллита и ГПУ. Однако в одном из писем Н.Я.Симонович-Ефимова замечает, ее картины «местным нотаблям» не нравятся¹⁶. Причина негативного отношения в религиозно-обрядовой тематике. Очевидно, пристальный интерес Маркелова и Ефимова к ритуальной культуре в ущерб темам колхозного строительства стал причиной их отстранения от экспедиции

1931 г., что подтверждает статья в «Ижевской правде», критиковавшая методы их экспедиционной работы, требовавшая подчинить исследования «интересам социалистического строительства»¹⁷. Картины и рисунки, среди которых было немало изображений культовых мест и построек все-таки приняты в местный музей, сегодня они представляют особый интерес для восстановления утраченных сведений о язычестве удмуртов. И.С.Ефимов продолжил работу над памятником, а Н.Я.Симонович-Ефимова получила заказ на написание двух огромных (2×3) картин на тему юбилейных празднеств. Известно почему картины «Красный обоз в Ижевске» и «Празднование 10-летия Удмуртской автономной области», принятые комиссией Облисполкома вместе с монументом И.Д.Пастухову в декабре 1931 г., не попали в Удмуртию, сохранились только эскизы к ним¹⁸.

Можно сделать вывод о вкладе художников Ефимовых в изучении традиций удмуртов. В картинах Н.Я.Симонович-Ефимовой, посвященных молениям, чувствуется уважительное отношение к материально-духовной культуре удмуртского народа, попытка передачи цельной картины мира, где

неразделимо природное и человеческое. В литографиях в разнообразии конкретных сюжетов правдиво представлена жизнь крестьянского населения края. В рисунках И.С.Ефимова живет удивление автора мастерством удмуртов устраивать мир вокруг себя, возводить жилища и сооружения, делать полезные, красивые, остроумные орудия труда. Отражая целесообразную конструкцию, лаконичную форму, достоинства материалов, художник показывает среду их бытования, ежедневное участие в жизни людей, которое оправдывает создание рукотворных изделий, вобравших опыт многих поколений мастеров, перерастающих в категорию произведений народного искусства. Традиционная национальная культура удмуртов обладала притягательностью для русских художников Ефимовых, приобщенных к ценностям отечественного и мирового значения. Это нашло отражение в монументальных решениях произведений, посвященных этнографической теме. Такой взгляд был важен для представителей нации, борющейся за самоопределение, достаточно нов и для русского изобразительного искусства, в чем его ценность и значительность.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 И.С.Ефимов известен как скульптор-анималист, но образов людей у него не меньше. Несколько раз он выполнял эскизы памятников, состоялся только один – в Ижевске. Мастер был великолепным рисовальщиком, но большие композиции в силу эротического содержания оставались неизвестны зрителю. Он оформил большое количество книг и журналов, несколько монументально-декоративных ансамблей зданий и парков, занимался фарфоровой пластикой и росписью посуды, изобретал детские иг-

рушки, вместе с супругой организовал один из первых в России профессиональный театр кукол.

2 М.Т.Маркелов познакомился с Ефимовыми в 1929 г., полюбил их творчество, стал своим в дружеском окружении семьи, куда входили ученый-энциклопедист П.А.Флоренский, художники В.А.Фаворский и В.Д.Дервиз, пианистка М.В.Юдина. Переписывался с художниками в Томской ссылке, где его спутницей стала Е.В.Дервиз, племянница Н.Я.Симонович-Ефимовой.

3 Часть рисунков попала в Центральный музей народоведения (переведенный в Ленинград и известный сейчас как Государственный музей этнографии), другие хранятся в мемориальной мастерской Ефимовых и в НЦМУР им. К.Герда.

4 Были написаны только четыре картины. В семейном архиве Ефимовых обнаружены фотографии картин: «Ткацкий станок в Вотской области», «Вотяки (удмурты)», «Семейная домашняя куала» и «Ночное моление». Названия авторские, написаны Н.Я.Симонович-Ефимовой на обороте фотографий.

5 Ефимов И.С. Чувство прекрасного у народа // Декоративное искусство СССР. – №3. – 1959, сокращенный вариант в кн.: Иван Ефимов. Об искусстве и художниках. – М., 1977.

6 Белицер В.Н., Маркелов М.Т., Сидоров Г.Ф. Удмурты. Проспект трудов этнографической экспедиции Центрального музея народоведения и Вотского областного музея 1930 г. / Под ред. М.Т.Маркелова. – Ижевск: Удкнига, М.; Центриздат, 1931. – 70 с.

7 В разрозненном, идейно нарушенном виде 8 автолитографий сохранились в фондах НЦМУР им. К.Герда, мемориальной мастерской Ефимовых, отделе русской графики Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.

8 Шумилов Е.Ф. Архитектура Ижевска. – Ижевск: Удмуртия, 1978.

9 Розенберг Н.А. Удмуртия и Мордовия в творчестве И.С.Ефимова и Н.Я.Симонович-Ефимовой // Вестник Удмуртского университета. – № 6. – 1996. – С. 117–132.

10 Наймушина, (Ковычева) Е.И. История создания памятника И.Д.Пастухову скульптором Ефимовым // Удмуртия: новые исследования. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С.112–123.

11 Ковычева Е.И. Традиционная культура удмуртов и мордвы в творчество русских художников. // Вестник Удмуртского университета. – № 7. – Ижевск: УдГУ, 2004. С. 69–77.

12 Ковычева Е.И. Жизненные ценности интеллигенции периода сталинизма (на материалах переписки И.С. и Н.Я. Ефимовых и М.Т.Маркелова) // Вестник Удмуртского университета. Серия Искусство и дизайн. – № 12. – 2006. Ижевск: УдГУ. – С. 25–38; Ковычева, Е.И. Историко-культурное значение содружества мордовского этнографа М.Т.Маркелова и русских художников И.С. и Н.Я. Ефимовых в годы сталинского террора // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – № 1. – 2014. – С. 56–63.

13 Ефимов Иван. Об искусстве и художниках. – М.: Советский художник, 1977. – С. 72.

14 Родители Н.Я.Симонович-Ефимовой были организаторами первых в России детских садов, школ для бедноты. Мама до старости преподавала в сельской школе близ села Домотканово в Тверской губернии, сделав ее центром просвещенной педагогики.

15 Письма хранятся в архиве семьи Ефимовых.

16 Симонович-Ефимова Н.Я. Письмо из Ижевска в Москву Е.В.Дервиз. 8.02.1931 // Розенберг Н.А. Удмуртия и Мордовия в творчестве И.С.Ефимова и Н.Я.Симонович-Ефимовой. // Вестник Удмуртского университета. – № 6. – 1996. – С. 119–120.

17 Зеленцов В. Культурническая прогулка или научная экспедиция // Ижевская правда. – 1931. – 28 июля.

18 Эскиз картины «Празднование 10-летия Удмуртской автономной области» (1931, х.м. 54×72. Мемориальная мастерская Ефимовых), эскиз к картине «Красный обоз» (43,5×62. Государственная Третьяковская галерея), эскиз «Праздничная демонстрация в Ижевске» (1932, 46,5×66. б. гуашь, УРМИИ).

Сведения об авторе: Ковычева Елена Ивановна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой декоративно-прикладного искусства и народных промыслов Удмуртского государственного университета, e-mail: el_kovich@mail.ru.

Аннотация: В статье анализируются произведения супружеской четы московских художников-универсалов И.С.Ефимова и Н.Я.Симонович-Ефимовой, созданные по впечатлениям от поездок в Удмуртию. Тематика их разнообразна и вызвана задачами этнографической экспедиции под руководством мордовского ученого М.Т.Маркелова, заказом на создание картин для местного музея, памятника революционеру И.Д.Пастухову. Большинство работ посвящены традиционному искусству, обрядам и верованиям, ремеслу удмуртского народа. Налаживать отношения с иноязычным населением помогал кукольный театр четы художников. В их планы входила помощь зарождающейся творческой интеллигенции края. Значение вклада Ефимовых в культуру национальной Республики в ее высокой оценке, глубоком уважении к неизвестным народным традициям.

Ключевые слова: изобразительное искусство, кукольный театр, И.С.Ефимов, Н.Я.Симонович-Ефимова, этнография, традиционное искусство, народная художественная культура, удмурты.

Abstract: The works of a couple, Moscow artists - universalists I.S. Efimov and N. Ya. Simonovich-Efimova is analyzed in the article. Their works created on the impressions of the trips to Udmurtia. Their subjects are diverse and caused by the tasks of an ethnographic expedition led by the Mordovian scientist M.T. Markelov, an order for the creation of paintings for the local museum, a monument to the revolutionary I.D. Pastukhov. Most of the works are devoted to traditional art, rituals and beliefs, craft of the Udmurt people. To establish relations with a foreign-speaking population, the puppet theater of the four artists helped. Their plans included help to the emerging creative intelligentsia of the region. The importance of the Efimovs' couple contribution to the culture of the Republic in its high appreciation, deep respect for unfamiliar folk traditions.

Key-words: fine arts, Puppet Theater, I.S.Efimov, N.Ya.Simonovich-Efimova, ethnography, traditional art, folk art culture, Udmurts.